

Ник Перумов Я, Всеслав (сборник)

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3167035
Я, Всеслав. Избранное из цикла: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-25739-3*

Аннотация

Проходят дни, годы и столетия, меняются властители, прокатываются по полям волны нашествий, но главное остается неизменным: Русская Земля была, есть и будет. В радости – светлая, в скорби – призывающая защитников и воинов. Один из них Всеслав Полоцкий – князь, ведун, хранитель заветного Русского Меча, могучего артефакта, в котором сосредоточена сила предков, додревняя вера и мощь потомков легендарных титанов. Не раз противники Всеслава, рабы божьи, апостолы Белого Христа, пытались убить князя и завладеть Мечом. Но терпели поражения. Вновь и вновь находилась рука, способная подхватить клинок, дать ему жизнь и получить силу, способную оградить, спасти Землю Русскую. От нынешних бед и от бед грядущих...

Содержание

Русский Меч	4
Выпарь железо из крови...	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ник Перумов Я, Всеслав (сборник)

Русский Меч

Утро. Туман живым покрывалом затянул поля, укрыл молодую поросль колосьев. Умывшись, вздохнул, утёр честный трудовой пот старичок-домовик; ночь кончилась, пора на покой, в дальний запечный угол, отсыпаться. В хлеву доканчивали ночную работу овинник и явившийся сегодня ему на подмогу гуменник – оба тощие, патлатые, бороды словно сальные вязки.

Над землёй тучи и ветры. Небесные пастухи борзо гонят свои тучные стада к одним лишь им ведомым пастбищам. Невесомые копыта света вонзаются в предутреннюю хмарь, всякий ночной зверь торопится укрыться в логовище, неважно, удачна оказалась охота или нет. Нехотя отступают, уползают в потайные ухоронки и те, кто не наделён плотью, но оттого куда опаснее любого зверя. Впрочем, *этим* теперь тут поживиться нечем – простые люди давно покинули здешние места. Остался один я. Ну а со мной у них едва ли что получится.

Славное сегодня утро. Редко выдаётся такое. И забывается весь хаос, царящий вокруг моей деревушки. Разруха, развал, запустение. Кое-где – так даже и голодуха. Что-то начало исправляться, правда, особенно когда на местах ни с того ни с сего осильнели попы...

С молитвами у нас теперь всё в порядке; да, видать, далека небесная канцелярия, не достигают слуха *тамошних* наши вопли и стенания. Оно и понятно – жизнь земная есть миг перед жизнью вечной, и чем больше претерпел ты безропотно мучений, тем светлее тебе будет «там».

Не знаю, не бывал, не видал. Таким, как я, нет ходу в занебесные пределы.

Живу я одиноко и замкнуто. Гостей не бывало давным-давно. В восьми километрах от моей деревеньки – железная дорога и полуживой посёлок-станция Киприя. Когда-то селились там мастеровитые и хозяйственные люди, и лесопилки имелись, и смолокурни, брали камень на гранитном карьере, охотились, огородничали, рыбу ловили незаконными сетями в лесных озёрах – а теперь на одной только станции ещё что-то теплится. Ушло, всё ушло, простая и честная жизнь, когда вопросами не задавались, жили от рассвета до заката, прямо смотрели в глаза каждому дню, брали немудрёные удовольствия от ночи, – а теперь? Ряды пустых заколоченных домов, никому, а особенно спивающимся в городах внукам-правнукам, не нужных. Даже даром дома эти никто не возьмёт. Правда, появился последнее лето тут новый батюшка, повертелся-повертелся, да и подвиг немногих оставшихся мужиков обновить полуразвалившуюся церквушку, в которой при коммунистах сделали что-то вроде склада, а потом и его забросили – всё разворовали, хранить нечего стало. А потом уже и воровать стало некому. Сейчас же вот и вовсе неслыханное дело случилось – приехала семья русских-бежан, заняла пустые земли, три участка в один слили, дом срубили, огород – глазом не окинешь, и работают. Пока ещё не пустили им красного петуха немногие оставшиеся пропойцы.

И в то утро – как чувствовал: беда идёт.

Бед у нас вообще-то хватает. Но то беды обычные, такому, как я, привычные: задерутся ли с горького отчаяния домовики в брошенных избах, или неприкаянно мыкающиеся полявики повздорят с лешими, каждую весну упорно пытающимися вернуть под лесную длань давно заброшенные пашни. Но с этим я умею справляться. Куда хуже, когда в мои пенаты забредают совсем другие личности.

Вот как сегодня.

Я заметил их издали. Парень и девушка, молодые, она – лет двадцати, он чуть постарше. Красивые, сильные. Над плечами чудовищными горбами вздымаются рюкзаки, а их носителям – хоть бы что. Идут легко, упруго, словно и не месили непролазную после выпавших неделю назад дождей грязь восемь вёрст от станции до Осташёва...

Парень и девушка вынырнули из-за зелёных кулис разросшегося ивняка. Там, на краю старого поля, журчал ручей. Беззаботный, он проложил себе путь прямо поперёк заброшенной дороги, не желая знать ни о людях, ни об их заботах. И верно – всем не угодишь.

Однако, непорядок, подумал я. Куда ж смотрели мои лесные доглядчики и прознатчики, коих я не один месяц приваживал, приспособливая к делу? Почему не подняли тревогу, отчего не предупредили?

Нехорошо. Смутно стало, недобро и мозгливо, словно в тёплый июньский день со всего размаху окунуться в ледяной, ведьмой напущенный туман.

Но заведомо проиграл тот, кто с дрекольем слепо пойдёт на окольчуженного витязя. То, что неведомые гости идут именно ко мне, я не сомневался. Что ещё делать в моём Осташёве тем, кто способен незамеченным проскользнуть мимо стражей, расставленных на всех дорогах, тропах, бродах и пролазах?

Встретим их, как подобает по древнему обычаю. И неважно, что о нём почти все забыли. Важно, что я не забыл.

Я откинул крышку и полез в подпол. Замотанные марлей, там стояли ряды глиняных глетчиков с молоком – домовик постарался. Гости дорогие наверняка не побрезгуют с дороги; а там и видно станет, что у них на уме. С кем хлеб преломил, с кем в путь вышел, с кем спиной к спине стоял – вспомнилось старое присловье. Нет, конечно, я понимаю: сейчас это для властей предержащих и слуг их верных – пустой звук; но того не ведают, что, садясь за стол с таким, как я, – многое можно мне рассказать, даже ни слова не произнеся.

Возился я недолго, – вылезал, собирал на стол нехитрое лесное угощение: грибы, соленья, варенья, маринады, мед опять же, – а двое путников подошли уже к самой избе. Постучались – в дверь, что открывается на улицу, хотя и видели, что не заперто. Городские, сразу видно. Деревенские стали б стучать только в сенях, перед тем как в горницу войти. Да только, почитай, и не осталось у нас в округе настоящих деревенских людей – тех, кем Русь всегда стояла, кто в любой беде, воткнув в землю-кормилицу заступ, накиннув на плечи худой зипун да засунув за опояску верный плотницкий топор, бестрепетно выходил против любой иноземной силы и – рано или поздно – одерживал верх.

Заворчал Полкан, вылез из-под крыльца, но голоса так и не подал. Впрочем, я не удивился. Кто мимо лесных стражей прошёл незамеченным, на того и пёс сторожевой брехать не станет.

Я пошёл навстречу – а то ведь иначе так и не зайдут. Случалось у меня и такое, как ни дивись.

Летка, остроухая, чёрная с белой грудью породистая лайка, за немалые деньги купленная у знакомого охотника из Будогощи, даже головы не повернула к явившимся – мол, не моё это охотничье дело. Полкана прикормил – вот он и пусть тебе сторожит, а если молчит – так сам виноват; ну а я в лесу работаю.

– Ладно, ладно, лежи себе, – примирительно сказал я. – Никто тебя голос подавать и не заставляет.

Летка уронила лобастую голову на лапы, взглянула как-то грустно, с несобачьей тоскою.

– Будет, будет, – успокоил я её. И отворил дверь.

Худенькая девушка, русые волосы сострижены кругом – говорят, мода ныне такая. По словам Арафраэля, знакомого духа Аэра, – «градуированным каре» именуется. Эх, эх, забыли честные девичьи косы...

Куртки-штормовки на моих гостях были самопальными, удобными, под себя шитыми, в меру потёртыми – сразу видно, в лесах эта пара не новички, хотя кто их знает, конечно, пока в деле не побываешь – за ставни век не заглянешь, как говаривали в моё время.

– Здравствуйте! – первой начала гостя. Глаза у неё большие, светло-серые, вот только какие-то блёклые. Не встретишь больше на Русской земле синеглазых красавиц. Перевелись. То ли за океан подались, кому позволили, то ли линзы контактные надели.

– И вам здравствовать, – ответил я, стараясь, чтобы мой бас не перешёл бы в совсем уж неразборчивое рычание. – Входите, гости дорогие, откушайте, что послано...

Посмотрим, что теперь скажешь, голубушка.

– А... спросить можно? – казалось, девчонка вот-вот поднимет руку, точно первоклашка-отличница. – Кем послано?

Попалась, милая. Завелась с полоборота, как теперь говорят. И даже не думает об осторожности.

– Кто собирал, чьи руки на стол ставили, да чьи слова тем рукам помогали, – спокойно ответил я.

– Неправильно то. Откушайте, чем Бог послал! Вот как надо! – Она укоризненно уставилась на меня. – Потому как всякое яство – от Бога, и радость вся, и жизнь сама...

– Да ты никак сама из обители будешь, что ли? – спокойно спросил я, стараясь, чтобы ничего из моих помыслов не отразилось в голосе. Хотя мысли лезли, признаюсь, не самые весёлые. Ведь означали эти гости только одно – выследили-таки меня, черноризцы. Выследили, как есть, – не зря по окрестным болотам осенью лазали туристы какие-то странные, что под гитару не Высоцкого с Визбором, а «духовное» пели, думали, я не услышу, что ли?

За тремя болотами хоронились, за семь вёрст почти – да только я всё равно услышал.

– Из обители, Свято-Преображенский монастырь, что в Новгороде, – так же спокойно кивнула мне гостя. Странно – на монашку совершенно не похожа. Да и парень – бицепсы гимнасту впору. Таких в молельне да на монастырском подворье не накачаешь.

– А раз из обители, то и ладно, – свернул я опасный разговор. Не время пока их сверх меры дразнить. – Входите, не чинитесь, у порога не стойте, пятого зазывания ожидая! А зовут-то вас как, гости дорогие?

– А... Я вот – Лика, а он, – девчонка мотнула стриженной головой, – он у нас Ярослав. Правильно?

Напоминаешь ему словно, чтобы из роли не вышел, имя, на день придуманное, не забыл. Видать, плохо моё дело. Даже в мелочах норвят ущучить и уязвить. Вот как с этим именем.

– Умгу, – выдавил из себя парень, набычиваясь и опуская взгляд. Разговаривать он явно не желал. А ещё – он меня боялся. Не по-хорошему боялся, как опасается настоящий солдат сильного врага – что и помогает тому солдату не лезть на рожон, а драться с умом и толком.

Бойся, детинушка, бойся. И не таких, как ты, повидал я за немалый срок. Разные приходили, разноязыкие и разных поверий, и за глазами их раз за разом являлось мне всё то же – жгучая ненависть, густо смешанная со страхом.

И на ёлку влезть, значит, и штанов смолой не замарать. Что в конце концов всех их и губило.

Гостя моя слегка замешкалась, представляясь – имечко-то явно вымышленное. Не хотела, как видно, называть монашеское прозвание, которым нарекли в обители. Эх, эх, черноризцы, хотя и кланяетесь вы Белому Христу, а всё равно старые обряды крепко помните, хотя даже и себе в том не признаётесь, боитесь. И правильно делаете. Ведь если назвать своё подлинное имя, отдаёшься во власть его услышавшего. Всё ты верно писала, Медведица, Урсула, – вот только для кого или для чего?

Ну, так или иначе, долго гостей на пороге не продержишь.

Вошли в горницу. Лица гостей моих разом, как по команде, обернулись к красному углу – однако на треугольной полке для образов был у меня свален всякий нужный в хозяйстве мелкий инструмент, икон же там отродясь не стояло.

И без меня достаточно у Белого Христа молельщиков.

Гости мои – ни он, ни она, похоже, ничуть этому не удивились. Даже не спросили: на что ж, мол, нам, православным, креститься, в дом входя?

Только чуть заметно дрогнули ресницы у той, что назвалась Ликой.

Спутник её быстро оглядел всё вокруг – цепко, остро, умело; похоже, уже прикидывал, чем и как здесь можно драться, коль до этого дело дойдёт.

А оно ведь, похоже, дойдёт, безрадостно подумал я. Эх, вы, иерархи черноризные, девчонок уверовавших на верную смерть ведь гоните.

Впрочем, пока ещё всё ничего, никто никому в горло не вцепился. И я продолжал играть роль радушного хозяина, усадил их за стол. Перекрестились они, бедолаги (глаз с меня не сводя!), слова свои заветные пошептали – а едят едва-едва. И видно ведь, что голодные! – а всё поставленное только попробовали, словно только что отобедали, а у меня – лишь из вежливости. И ещё – осторожничают. Ярослав этот молоко медленно-медленно тянул, точно боялся – жаба на дне окажется. Помилуйте, что вы, давно время таких шалостей прошло; да и не в моих это правилах – гостей травить. В честном бою переведаться, грудь на грудь, или в каких других умениях померяться – это могу, а вот так, ядом – этим только в Царьграде пробавлялись, было время, когда и у нас ту же напасть чуть не переняли, но – пронесло-таки.

Словно бы и через силу, однако всё же поели. Мало-мало – но честь хозяину оказали.

Пора и посерьёзнее разговор заводить. Не закусывать же тебя сюда принесло, Лика из Свято-Преображенского монастыря!

Я потянулся к пыхтящему самовару.

– Чайку?

– Это можно! – откликнулась Лика, повернув ко мне своё округлое, не без приятности лицо; и совсем хороша вышла бы дева, – но вот глаза эти блёклые... Ровно у мертвеца, береги нас силы лесные!

Моё дело простое – налил гостям чайку. Сидим. Молчим. Закон строг – пока гость не насытится и сам говорить не начнёт, расспрашивать его невместно. Ну а мне сейчас язык за зубами держать и вовсе велено.

Ярослав-молчун сгорбился над полной чашкой – туча-тучей, словно и не чаю ему я с мёдом предложил, а конской мочи. Лика же эта вроде как ничего, освоилась. Глазками – туда-сюда, по углам, по полкам, по печке...

Смотри, милая, смотри. За погляд у нас денег не берут. Знаю, чего углядеть надеешься, но неужто ж, сюда собираясь, рассчитывала совсем умом тронувшегося застать? Далеко упрятаны мои снасти, не всякий глаз углядит, не каждая рука поднимет, редкая нога дорогу к ним сыщет. Силы лесные и заповедные к ним тропы затворили. И уж тут никого не пропустят, как ни пытайся им взор отвести.

Мельком пожалел я, что давно канула в безвестности старая моя приятельница, в незапамятные времена на страже рубежа меж Явью и Навью поставленная. Мудра, ох мудра была старая и куда поболее меня видала...

Но – вот наконец и с чаепитием покончили. Пора уже мне, как Бабе-яге, той самой подруге моей, гостей спрашивать с пристрастием: «Дело пытаешь али от дела лытаешь?»

Молчание длилось недолго. Тонкие Ликины пальчики оперлись о стол, тонкие кисти прогнулись так, чтобы почти до боли. Волнуется девка, несмотря на всю веру свою. Оно и понятно – никакими молитвами не избыть червя сомнений: а ну как «там» ничего таки нет?... И напрасны все наши метания со стараниями?

– Мы, Михаил Андреевич, к вам специально приехали. – Ликины глаза впилась в мои; нет, есть в тебе вера, девонька, что есть, того не отнимешь. – Специально... повидать вас хотели, поговорить... Братия наша в здешних краях бывали, принесли весть... Мы и решились... Отец-настоятель отпустил и благословил...

Надо ж. Всё сама выкладывает. Мол, бывали тут у вас, видели, как говорится – плавали-знаем.

– За честь спасибо, гостюшка. Давно, значит, в местах этих хаживали? Что ж раньше-то не зашли? Угостил бы не хуже нынешнего.

– Невместно нам просто так в дома стучаться, – покачала она головой, перенимая мой тон.

– Отчего ж так? Места здесь позабытые, бывает, год человека нового не видишь; это мне радоваться надо, что кто-то на огонёк заглянул, ну а вам-то уж... Так с чем же пожаловали, гости дорогие? О чём со мной говорить-то можно? Человек я лесной, дикий, который уж год из дебрей своих носа не высовываю...

– Вот про дебри-то мы вас спросить и хотели, – голос у Лики чуть зазвенел. – В смущении мы. И набольшие наши – тоже. Почему у вас такая деревня странная? Все другие вокруг – и Павлово, и Рокочино, и Дубровка – в развалинах, всё заросло-порушилось, а у вас в Осташёве все дома как новенькие? Не осели, не покривились, крыши как только что крыты...

Правильно углядела, пташка зоркая. Но не могу я, когда избы, не одно поколение помнящие, стоят в разоре.

– Огороды незаросшие, – внезапно вмешался Ярослав. Голос у него сильный, упругий – приятный голос. Девки с такого млеть должны. – Им бы давным-давно бурьяном покрыться – а тут чистая земля! Вскопанная, взрыхлённая – навозу подкинь, и сажать можно!

И это верно. Земля руки помнит едва ль не крепче, чем дома – глаза и лица. Может забыться, сном заснуть, вновь лесом покрыться; но руки, её холившие, всё равно не забудет.

– И поля такие же! – подхватила Лица. – Повсюду они лесом зарастают – а у вас словно под парами стоят. Вот мы и удивились... и братия наша удивилась...

Братия. Это что ж за монастырь у вас там такой, совместный получается, что ли? Ладно, ещё поговорим-поспрашиваем. Может, ещё и обойдётся, может, и впрямь их только за этим сюда прислали...

– Так неужто же ваш отец-настоятель так этим заинтересовался, что вас, бедолаг, погнал в эдакую даль, по нашим хлябям непролазным ноги ломать?

– Конечно! – выпалила Лица. – Что ж тут удивительного? Кто знает, может, на этом месте благословение... может, тут подвижник древний жил или даже святой и теперь заступничает за землю осиротевшую? Как же нам не выяснить?... Тем более что обитель наша тут неподалёку, в Новограде Великом, день на поезде, а восемь километров – так это ж пустяки, коль по такому богоугодному делу идём!

– А с чего вы решили, что я об этом что-то знать должен?

– Так вы ж здесь живёте! – Вся подавшись вперёд, Лица молитвенно стиснула руки перед грудью. – Вы всё видите, всё знать должны! У вас перед глазами чудо творится – кого ж ещё, кроме вас, нам и спрашивать? Вам-то самому – неужто всё равно?! Ни в жисть не поверю!

Интересно, не интересно... А чего ж тут интересного, если я сам это всё и делаю?!

Я молчал, глядя Лице в глаза. Беспокойство в них, глубоко-глубоко, но страха нет. Уверена в себе, куда больше, чем положено пребывающей при обители. Непонятно только, в каком качестве пребывающей.

Долго ты прятался, сказал я себе, да всё без толку. Как ни хоронись, если частой бороной ведут, рано или поздно на зуб попадётся.

Правда, зубец этот ещё есть надежда обломать.

Горячо и забыто ворохнулось в груди. Слишком долго я прятался, слишком долго следы путал, вздрагивая от каждого шороха. Сколько можно черноризцам в пояс кланяться – ну, не на самом деле, но всё равно, под их дуду приплясывая, в их игры и по их правилам играя? Себя вспомню – тошно становится. Ведь раньше-то никого и ничего я не боялся. На поле брани забрало не опускал, на медведя с одной рогатиной выходил – и ничего, поджилки не тряслись. Весело было, удаль была, молодецкий задор, даже когда бился насмерть. А монахи эти, божьи заступники...

Как упустили, как проглядели, как получилось, что оказалась власть у них, у черноризцев? Когда Священный Синод оказался над Думой и прочими властями предержажными? Почему в сём собрании только зачнут, а другие дружно, во весь голос подхватывают? Почему патриарх не церковными делами занимается, а в войска ездит, в Кантемировскую танковую или Псковскую десантную дивизии, да не проповеди читать, нравы смягчая, – а инспектируя, в сопровождении целой своры генералов, и сохрани силы лесные какого-нибудь лейтенанта-комвзвода, если в казарме красный угол не так оформлен.

Так в другие времена за «ленинские комнаты» спрашивали.

Дни протекли, власти сменились, а главное – вот оно, неизменное.

Да, нету пока инквизиции. Неверие ещё не преступление, но – осуждается. «Не может тот, кто в Бога не верует, быть нравственным и честным человеком».

Ушли в глубокие катакомбы старообрядцы, которых вроде б тоже никто не гнал. Однако нет более Белокриницкой епархии, ничего не осталось на поверхности, доступного глазу. Ушли, канули на дно, растворились в восточной тайге, хотя сейчас не то время – отыщут, если захотят. Спутники, вертолёт... если не считать иного, что ощущаю я сейчас в сидящей передо мной девчужке со странными и неприятными глазами.

Да, пока не вбивают черноризцы своё учение в головы паровым молотом, обходятся меньшим: уроки Закона Божьего только для желающих (пока), молитвы опять же только для них, на горох тоже никого не ставят. И нету насилия, нет законов и указов, но как-то уж слишком рьяно потянулся к храмам народ.

А разговоры! (Я хоть и в дебрях сижу, а что на свете делается – знаю.) Раньше о таком одни только бабушки-старушки да бездельные кумушки речи вели, а теперь не стесняются и здоровые мужики, коим в самую меру об охоте, рыбалке или даже о любовно-страстных подвигах – всё достойнее. Разговление, неделя страстная, суббота родительская, заутреня, вечерня, а ты в какую обитель, а я такой вклад за упокой сделал, а батюшка вчера на проповеди так про муслимов этих страшно говорил...

Меня это пока не коснулось. По лесным угодиям шастали только туристы, пусть даже, как выяснилось, «из обители». Единственного обитателя позаброшенного Осташёва – меня никто не трогал.

До сегодняшнего дня.

Часта борона, рано или поздно наткнётся. Мне – не армии собирать, не мобилизации проводить, всё войско моё – это я сам; так не хватит ли прятаться? Не пора ли внятно им сказать – «сюда не суйтесь»?

Могут, конечно, двинуться против меня черноризцы со всею силой – что ж, разомну кости, разгоню застоявшуюся кровь. На войне без потерь нельзя, но доверенное мне к сохранению – стоит жизней тысяч и тысяч таких, как я.

– Здесь я живу, всё точно. За домами присматриваю. Где нужно – подправлю, почию, прикрою. Отчего ж не стоять тем домам? За полями смотрю. Где что поднялось – выпалываю, вырубаю. Есть ещё сила в руках, топором махать не разучился, – я потянулся, налил себе ещё чаю, вольно откинулся. Мол, нипочём мне все ваши намёки.

– За всей деревней? – У Лики округлились глаза. – Совсем один? Избы, поля, огороды?.. А зачем, можно спросить?

– Спросить можно, – пожал я плечами. – Всё просто – жду, когда хозяева вернутся. Что ж тут странного?

– Разве ж под силу такое одному человеку?! – выпалила Лика. – Круг полей – на пять километров! Огороды – при каждом доме! Тут надо, чтобы вся деревня жила!

– Верь, гостюшка, не верь – то дело твоё. Однако я душой кривить не привык. Один я тут всем заправляю. Не должно село умирать, пусть даже люди его и бросили.

Переглянулись – нехорошо как-то, со значением. Мол, говори-говори, мы-то знаем, с какого боку подходить. Ясно, что ни единому моему слову они не поверили.

– Ежели за домом постоянно следить, не запускать – так и трудов-то особых прикладывать не приходится... – добавил я на всякий случай, хотя и так видно было, к чему клонятся мои незваные гости.

Беседа пресеклась. Они явно не ожидали, что я вдруг выложу им всё так просто, в лоб. Интересно, что теперь станут делать...

Первой поднялась Лика – судя по всему, именно она, а не Ярослав заправляла в этой компании.

– Что ж, хозяин дорогой, благодарствуем за хлеб-соль. Спасибо этому дому, пойдём ко другому...

– Да куда же вы пойдёте? Нет здесь никаких других домов. Оставайтесь. Горниц у меня две. Не стесните...

– Невместно нам в доме без святого образа ночевать, – мрачно пробубнил Ярослав, упрямо нагибая голову и зло глядя на меня исподлобья. – Без образов и дом-то – не дом, а так, четыре стены да крыша!

Я пожал плечами.

– А по мне – так если крыша над головой имеется, то и ладно. Лишь бы не протекала.

– А ведь сказано, что не хлебом единым... – Ярослав насупился ещё больше, засопел, словно бык. Лика быстро дёрнула его за рукав, мол, молчи, глупый, не время ещё, всё испортишь мне тут.

– Спасибо-спасибо, – выпалила она скороговоркой, – так и сделаем, Михаил Андреевич, не сомневайтесь... Мы тут погулять хотели бы... Рюкзаки вот только бросим – и пойдём, можно? – А сама смотрела на меня выжидательно, словно я её отговаривать собирался, за руки хватать или ещё как-то препятствовать.

Препятствовать я, конечно, не собирался. Деревня у меня интересная, но не особо интереснее десятков тысяч других, большей частью заброшенных. Интерес к Осташёву могли поддерживать мои дела, а не мои помощники – их-то пока ещё хватало, хотя с истаивающими деревнями уходили и те, кто некогда пришёл сюда вместе с людьми.

– Ну так и отчего же не погулять? – Я пожал плечами. – Уж раз так интересно на пустые да заколоченные избы глазеть... Я б вас лучше в лес сводил, на Омшу, там рыбалка отменная, вдоль павловской дороги б сходили, на сосновые увалы за грибами, или в сторону Мощичина – на Гусинок, или Чёрное озёрко...

– Нет, Михаил Андреевич, – Лика сощурилась, глядя мне прямо в глаза и не опуская взгляда. – Леса у нас и возле обители дивные. Мы сюда именно на деревню посмотреть приехали. На избы, пустые да заколоченные, что вашими стараниями как новенькие стоят. Кстати, спросить хотела: как это вы их в сохранности содержите, внутрь не входя?

Ты приняла вызов, молодец, Лика, уважаю. И каким только ветром тебя в невесты божьи занесло?

– Ничего сложного. Главное, чтобы сверху не прохудилось, – вот так и содержу. Когда крышу подлатаю, когда что-то ещё по мелочи сделаю... – я дразнил её, и она это чувствовала.

А ведь ты привыкла, чтобы тебя боялись, Лика, – вдруг мелькнула мысль. Что ж, раз такая смелая – пройдишь-ка по окрестностям деревеньки нашей в сумерках; а то ещё на Мохово болото сходи – там, где Моховый Человек под луной бродит-вздыхает, на судьбу жалуется. Не знаю, поможет тебе тогда молитва твоя, девонька, или нет. Хотя – если пропустили тебя мои лесные сторожа, может, вера твоя у тебя и впрямь настоящая, а такие, я знаю, на многое способны. Может, ты и через Мохового Человека переступишь, головы не повернув и даже не заметив.

Что ж, проверим. Посмотрим, на что ты годишься, Лика, и зачем на самом деле сюда приехала.

Они и вправду оставили рюкзаки во второй горнице и быстро, как-то боком, словно крабы морские, шась-шась на улицу. Полкан проводил их тяжёлым ворчанием, не отрывая морды от лап – не в себе пёс, как есть не в себе, уж не заговор ли какой наложили?

Я за ними следить не стал – по хозяйству дел полно, да и что они такого смогут учинить-увидеть ярким днём? Только те же заколоченные избы да чистые огороды.

...Однако Лика со спутником, видать, так не думали. По деревне они лазали долго, обошли все дома, не пропустив ни одного. И чего только вынюхивали? Что тут у нас вот так, с наскоку, вынюхать можно?

Я возился с огородом, поправлял изгородь у соседней избы, сходил за водой к колодцу – и всё время краем глаза замечал две мелькавшие то тут, то там фигурки. Они перебегали от дома к дому, застывали перед ним на время, потом опять срывались с места и мчались дальше. Ничего особенного мне пока не чувствовалось, а вот беспокойство поднималось, словно ныл и дёргал внутри у меня гнилой разваливающийся зуб.

Покончив с огородом, я прихватил топор, а для вида – гвоздей и всякой другой мелочи для ремонта и тоже подался на улицу. Мои гости как вкопанные застыли аккуратно перед наглухо заколоченной избой бабки Васюшки, уставившись широко раскрытыми глазами на свежий рубероид, не далее как позавчера моими усилиями появившийся на прохудившейся крыше.

Ну и что ж тут такого интересного? Подумаешь, крыша.

Правда, эта самая изба отличалась и ещё одним – донельзя любопытным домовым. Скучно ему в забитой горнице, где пыль оседает на никому не нужной утвари, лавках, древнем столе, копится в печном устье... Домовик старательно убирает опустевший дом, но порой и у него опускаются руки.

Я насторожился; запахло бедой.

Лика медленно расстегнула штормовку, рубаху, вытащила золотой нательный крестик на тонкой цепочке – словно составленные вместе искорки, – бережно сняла с шеи и высоко подняла над головой. Вытянулась струной, запрокинула голову и что-то затянула нараспев, вроде бы молитву, но какую-то необычную.

Рядом с девушкой стоял Ярослав, поминутно озираясь по сторонам, – словно ожидал, что на него вот-вот кинутся из засады.

Мои гости, в свою очередь, почуяли неладное.

Неспешным шагом, небрежно помахивая прихваченным топориком, я двинулся к Васюшкиной избе. Ещё немного – и я смогу разобрать, что там такое эта Лика творит. Обычному человеку нипочём не расслышать, но я-то – не обычный. Почему и удостоился сегодняшнего визита.

И от услышанных Ликиных слов меня пробрало до самых печёнок. Очень давно не слышал я подобного. Знает девка своё дело, и ещё много всякого иного, не зря неведомый мне отец-настоятель поставил главной, отправляя ко мне. Умный черноризец, мозги жиром не заплыли. Хотел бы я на него взглянуть... Парень-то этот, Ярослав, – ничто, пустышка, рюкзак таскать да палатку ставить, если ночь в лесу прихватит. А вот Лика...

А изумлялся я потому, что слова Лики не имели ничего общего ни с «Отче наш», ни с «Богородицей», ни, как оказалось, вообще с какой-либо молитвой. Заклятье это оказалось, запечатлённое именем их сильномогучего Бога, Белого Христа, древнее заклинье, изгоняющее бесов. Так вот в чём оно, дело-то, значит, – смекнули где-то умные головы, что не с хоругвями да святыми образами ко мне в гости ездить надобно, а присылать вот таких, как Лика. С древним знанием и верой должной, чтобы пустить его в ход.

Так что гости у меня оказались и впрямь знатные. «Экзорцисты» – по-импортному, «бесов изгоняющие», по русскому строю. И притом из лучших – Лике ведь не требовалось ни молебствований, ни крестных ходов, ни чудодейственных образов, ни даже святой воды. Ничего ей не требовалось, кроме лишь нательного креста и её веры. Действительно, великой веры. Такая и впрямь, наверное, горы способна сдвигать.

Что ж, всё ты правильно сделал, неведомый мне настоятель Свято-Преображенского монастыря в Новограде Великом. С любым другим Изгоняющим бы справился. Шутя, не шутя – дело десятое, но справился бы. А вот с Ликой придётся драться насмерть. Так что прими мои поздравления, черноризец. Хорошо ты соображаешь, толково. Правильно меня оценил. Из пушки по воробьям, уверен, ты бы тоже стрелять не стал. Послал лучшую – к лучшему.

Что-то уж больно много ты знаешь, отец-настоятель. Или знаешь, или догадываешься. И, думаю, на самом-то деле никакого отношения к упомянутой новгородской обители ты не имеешь, черноризец. В Свято-Даниловом монастыре ты, скорее всего, обретаешься. Или в Троице-Сергиевой лавре. В сердце Московской патриархии.

...Только что ж за экзорцизм ты устроила возле Васюшкиной избы, Изгоняющая?

По-прежнему держа топор в руке, я шагал к Лике и её спутнику. Изгоняющая всё тянула и тянула на одной ноте свой жуткий заговор, ни на что не обращая внимания, а вот Ярослав заметил меня и качнулся навстречу. Не шагнул, не прыгнул, а очень плавно и мягко потёк, как двигаются только настоящие мастера боя без оружия.

– Стойте! Нельзя сюда! – Он вскинул руку, то ли стремясь задержать, то ли предупредая. Я отшвырнул его в сторону – одним ударом, как встарь, словно в лихом кулачном бою на льду Волхова, когда стенка на стенку сходились Славенский и Плотнический концы. Хоть и обучен ты, парень, всяким новомодным штукам, может, ты и способен одним пальцем бетонную стену пробить, а против настоящей силы тебе, видать, ещё стоять не приходилось.

Ярослав отлетел шагов на пять, распластался на земле, приподнял голову, хлюпнул кровью – и вновь рухнул.

Напоследок я постарался отвести ему глаза – мол, не дед деревенский меня с ног свалил, а я сам поскользнулся. Он поверит. Такие скорее уверуют в гололёд летом, чем в собственное поражение.

Не нужна мне пока его чёрная подсердечная ненависть.

Лика, однако, не обернулась – продолжала своё тягучее песнопение; а там, в Васюшкиной избе, – я знал – катается сейчас по полу, корчась и тонко визжа от боли, мохнатый серенький клубок, и торчащие руки-ноги домового в аккуратных лапотках бессильно колотятся о доски. И мучается он сейчас не один. И в бане, и в овине, и на гумне – всюду кричат, исходят одному мне слышным воплем те, кто мне помогал. И кому помогал я. Помогал и оберегал...

Силы лесные, злодейство-то какое – жутким заклиньем изводить и мучить несчастного домовика. С каких это пор Изгоняющие снисходят до таких созданий? Или патриархии неведомо, кто ещё живёт рядом с людьми?

Я не выдержал – размахнулся топором. Сейчас я тебя аккуратно... обухом по темечку, несильно, чтобы только сознание потеряла. Зряшнее душегубство мне тоже претит.

Однако я опоздал – домовый не выдержал. Оно и немудрено – в Лике сейчас чувствовалась такая вера, что, поистине, скажи она сейчас, за неимением той самой горы, синеему дальнему лесу: «Иди и встань рядом!» – послушаются деревья, и вся армия лесных хозяев ничего не сможет поделать.

Да, домовик не выдержал. Я не успел даже руку вознести, а он внезапно возник прямо на крыльце, напротив творящей своё дело Изгоняющей, – верно, бедняга совсем ополоумел от боли и страха. И – в последнем проблеске уже погасавшей жизни он увидел меня.

– Спаси-и-и... – только и успел выдать он, охваченный со всех сторон яростным белым пламенем.

Огонь полыхнул, взметнулся выше застрех и тотчас опал, умирая на покосившемся крыльце. Лика не пустила его дальше.

Я крепче стиснул топориче. Вспарывая душу, по мне хлестнул бич, усаженный острыми шипами. Древняя ярость толкнулась в сердце:пусти, позволь, как раньше, врага – вмах, отомсти, не дай уйти невредимым!

Но я также очень хорошо знал, что всё это сейчас бесполезно. Нельзя было кидаться на Лику с топором, вообще нельзя было её трогать. Изгоняющие не тратят силы на домовых. А если вдруг стали – то не просто так.

Меня Лика не замечала, не видела и топора в моей опустившейся руке. Похоже, она вообще ничего не видела вокруг себя – ничего, кроме лишь пылающего круга, где среди бушующего, подобно морским волнам, пламени с воплями тонули, сгорали, расточались и распадались невесомым прахом ненавидистные ей демоны.

Изгоняющая не имеет права на сомнение. И сейчас для неё безобидные домовик, банник, амбарный, гуменник, овинник и прочие – самые настоящие «бесы», явившиеся сюда на погибель человеческому роду.

И всё-таки я замахнулся. Однако, замахнувшись, я тотчас и опустил руку. Ничего сейчас не значили ни мой топор, ни вся иная моя сила. Он, Белый Христос, охранял своего верного воина лучше любых оберегов. Ударь Лику сейчас пудовым боевым молотом – железо разлетится роем осколков, сломается окованная рукоять.

За моей спиной послышалось шевеление – очухавшись, там поднимался Ярослав, сплевывая кровь. Упрям парень и упорен и боль терпеть умеет. Даже не удивлён, что оказался на земле, сбитый с ног замшелого вида мужиком. Не удивлён... не ошарашен, словом, всё идёт, как ему и следовало идти.

Ярослав, Ярослав... Проклятое имя!

Похоже, сейчас он вцепится мне в горло. Маски сброшены. Но мальчишку этого я не боюсь. Спутница его – совсем другое дело.

Стихали крики в амбаре, стихали и подле баньки. А я стоял, бессильно уронив руки, и ничего не мог сделать. Даже начни я сейчас рвать Ярослава на куски – Изгоняющую это бы не остановило. Её вообще ничего бы не остановило. Вернее, только одно.

Нет, нельзя, невозможно, немыслимо. Я запретил себе вспоминать о нём даже в мыслях! Безумная девчонка сейчас прикончит последнего обитателя Васюшкиной избы и тогда должна остановиться. Никакая Изгоняющая не способна держать наговор такой силы хоть сколько-нибудь долго. Она обязана остановиться – хотя бы для того, чтобы перейти к другому дому.

И вот тогда мы с ней поговорим по-иному.

Ярослав тем временем поднялся, нетвёрдо шагнул ко мне, решительно – как ему, наверное, казалось – взял меня за плечо.

– Я кому сказал – нельзя сюда? С ума сошёл, дед?! Твоё счастье, я стариков через дорогу перевожу, а руки на них не поднимаю. Даже на таких дурных.

Он ещё пытался удержать в узде свою ярость, но глаза уже успели сделаться совершенно бешеными. Да, братец, слабоват ты, гнев да ярость – не про Христовых воинов...

Лику по-прежнему окутывал тугой, непробиваемый кокон силы, и я вновь повернулся к мальчишке.

– Старый, говоришь? – Я прищурился. – Может, и старый, да только не слабый. Попробуй, сшиби меня с ног.

Он дёрнулся, выбросил кулак, метя мне в подбородок. Этот удар отправил бы меня наземь со сломанной челюстью; я выставил ладонь, ловя его руку.

Приём, которым хорошо ставить на место пижонов.

Пальцы мои сжимаются, хрустят кости, и парень сам опрокидывается, завывая от боли. Правую руку он ещё долго поднять не сможет.

– Славные у меня ныне гости, – сказал я, глядя ему в закатывающиеся глаза. – Вежливые и обходительные.

Ярослав отползал, смотря на меня уже с откровенным ужасом. Слаба твоя вера, парень, против Ликиной она – ничто. Так, словно вклад в банк на чёрный день – а вдруг правы попы, вдруг *там* и впрямь что-то будет?

Что будет *там*, я не знаю. Когда я родился, многие не верили ни в ад, ни в рай, а держались старых путей. Именно эти люди меня и воспитали, научив всему, что знали сами. Тогда говорили, что есть просто Навь, Явь и Правь, и загробный мир не был местом жуткого мучительства: предки, деды, оставались с нами, приглядывали за потомками, старались помогать достойным и строжить сбивающихся с пути. Вечны Навь, Явь и Правь, хотя и не неизменны. Ничего похожего на кошмар Апокалипсиса. Да и Забыть-реку зря придумали.

Прямо и честно верили мои праотцы. Оттого и жили так же прямо.

– Короче, шмотки свои забирайте – и чтоб духу вашего в деревне не было, – хотя, ясное дело, никуда они отсюда не денутся. Я могу Ярославу ремней из спины нарезать, как всё та же моя знакомая Яга порой забавлялась, – Лику это не остановит. Да и я сам едва ли сумею.

Отползший парень вдруг недобро ослабился.

– Думал, в глуши схоронишься?! Думал, не прознаем про бесовские штучки твои? – прошипел он, брызгая слюной. – Думаешь, не знаем, что с нечистым якшаешься? Не знаем, кто такие твои домовые с овинниками? Бесы то, бесы они и есть! Ну ничего, владыко-то на тебя управу найдёт... если только мы прежде не справимся.

– Грозил заяц волку да без ушей остался, – как мог спокойно ответил я. – Ты, парень, верно, в поезде перебрал. – Я повернулся к нему спиной и пошёл прочь. С Ликой сейчас всё равно ничего не сделаешь. – Рюкзаки ваши я на улицу выставлю, хотя мне и касаться то их противно.

И тут Лика пришла в себя. Кокон силы вокруг неё угасал, завораживающая литания смолкла. Однако глаза её из бесцветных обратились ярко-зелёными, казалось, они прожигали насквозь; из них уходила беспощадность, а вместе с ней, виделось мне, Изгоняющую покидала сама жизнь.

Она повернулась ко мне, и я замер на месте. Как же щедро тебя одарило силой, Лика, и на что же ты её тратишь...

– Всё понятно, у вас тут бесов деревня полна, Михаил Андреевич!

– Скажи своему спутнику, чтобы вещи ваши забрал. Я их к забору выставлю, – лишь большим усилием мне удалось сделать шаг.

– Вещи наши забрал? – её голос звенел, не торжеством ли? – Вещи забрать несложно, а вот что вы-то станете делать, Михаил Андреевич? – Она упорно именовала меня вымышленными именем и отчеством, издевалась, что ли?

– Ну так вот и забирайте. И я бы на вашем месте здесь не задерживался.

– Почему же? Тут у вас такое творится! Нечистой силой вся деревня обсажена! Только моя молитва её и изгоняет! Бесы, бесы вокруг, вы что, не понимаете?

– Оставь его, Лика, – прохрипел парень. – Всё он понимает. Да только эти бесы – его первые дружки-приятели, пьют-едят за одним столом.

– Так вот кто деревню-то ему держать помогает, – протянула девица, словно только сейчас догадалась. Словно не с этим уже сюда приехала.

– И с чего ж ты это взяла, девонька? – Я взглянул ей прямо в глаза: словно на каменную стену нарвался.

– Пока ты беса изгоняла, он на тебя едва с топором не кинулся, – змеёй зашипел Ярослав. – Да только побоялся, силу твою учуял, верно...

– Не он силу мою «учуял», а Господь меня оборонил! – отрезала Лика. – Никто не может посягнуть на занятого богоугодным делом!

– Парень твой, Лика, явно с катушек съехал. – Я равнодушно пожал плечами. – Чудится ему невесть что...

– Чудится? Чудится?! А вы что же, сами в бесов не верите? – от возмущения она едва не задохнулась.

– Верю, не верю... моё это дело, девонька. Одним словом, пошёл я. Рюкзаки забрать не забудьте.

Они остались позади. И я услышал:

– Ну и ладно с ним. Дальше пошли. Бесовское здесь место, точно говорю. Работы до завтра хватит.

Хотел бы я знать, где еще они нашли подобное же место!

– *Арафраэль!*

– *Здесь. Давно. Смотрю...*

– *Мне её не остановить.*

– *Это неправда. Ты можешь. И ты остановишь.*

– *Я не прикоснусь к нему!*

– *Да, спрятал ты его достойно. Наверное, даже слишком хорошо. Что, обидно теперь доставать, разрывать ухоронку?*

– *Нет, конечно же. Не обидно. Но если я достану его – что случится?..*

– *Ты прав. Если ты его достанешь, пославший их об этом немедля узнает.*

– *А ты? Ты ничего не можешь сделать?*

– *Против Белого Христа и истинно верующих в Него я бессилен, ты это знаешь. Здесь последнее место, где мы нашли приют – всё благодаря тебе. Если оно погибнет, то падём и мы.*

Голос моего собеседника звучал спокойно и ровно – стихийные духи не умеют говорить иначе даже перед лицом собственной гибели. Впрочем, я до сих пор не знаю, страшит ли она духов или что ожидает это племя за порогом их странного земного бытия.

– *Так что же делать? Она убивает тех малых, что остались в домах, доверившись мне!*

– *То же, что делал и всегда. Один. За всех. Противу всех!*

– *Вот уж не знал, что духи знают стихи Цветаевой!* – невольно удивился я.

– *Чему ж тут изумляться – она ведь давно одна из нас. В Свет её не взяли, но и Огонь она тоже не заслужила... В общем, или ты достанешь его – или нам конец, всем, кто нашёл у тебя прибежище. Тебе, впрочем, тоже. А если это случится – кто в последний час откроет спрятанное тобой сокровище?*

Я умолк. Возразить на последний аргумент Арафраэля мне нечего. Но, если открыто поднять оружие на Изгоняющую, не обернётся ли это ещё большей бедой?

– *Если падём мы – падёшь и ты*, – ровно произнёс неслышимый для других голос Арафраэля.

Я знал, что он прав. Сам по себе я – ничто; осколок древнего острия, выкованного в забытые времена, когда, говорят, Сварог устраивал Ирий, самый первый мир. Только вместе с такими, как Арафраэль, как несчастный Васюшкин старичок-домовик, можем мы хранить доверенное мне.

...Так что же, неужто ты боишься, ты, от одного имени которого трепетали гордые киевские властители?..

Нет, я должен её остановить, пусть даже никто не в силах предугадать исход схватки; быть может, Изгоняющая возьмёт верх – и тогда тщательно укрытое в болотных мхах сокровище бесполезно и бесцельно провалится ещё незнамо сколько столетий, до тех пор, пока не высохнет топь и не найдётся новая рука, новый и достойный хранитель.

Всё так, но если я не вмешаюсь, эта безумная монашка перебьёт всех до единого домовых, банников, овинников, запечников, гуменников, полевых, кикимор и прочих, а потом возьмётся за леших с водяными, закончив свои «бурю и натиск» сородичами Арафраэля.

И потому я не мог больше мешкать.

– *Арафраэль!*

– *Ты решился.*

– *Решился. Доставь мне его. Видишь же, из деревни мне не уйти...*

– *Они сразу же заметят меня. И могут связать. Лучше давай я тебя туда вмиг домчу. А уж дальше – ты сам.*

– *Хорошо! Действуй!*

Я потерял из виду Изгоняющую и её спутника. Здесь, на дальнем конце деревни, куда пока не совалась эта парочка, не боясь солнечного света, изо всех щелей выглядывали искажённые страхом лица. Лица тех, кого я поклялся защищать и оборонять.

Что ж, теперь пришла пора исполнить клятву.

Мягко толкнула в спину упругая воздушная волна.

Разогнавшись над полем, Арафраэль, дух Ветра, осторожно подхватил меня – и замелькали, сливаясь в сплошной ковёр, поля, узкие лесные языки, старые сенные сараи, серые от времени, и, наконец, потянулся сплошной, неразрывный лес. Чёрно-зелёные копыя елей пробили легкомысленно шуршащую листву ольшанников и березняков – пройдёт время, на этих местах воздвигнутся мрачные торжественные еловые боры; пронеслись серовато-бурые мшистые болота, тёмные замки густо заросших корабельными соснами островин; чёрные прозрачные озёра среди бескрайних моховых равнин.

Сейчас, сейчас... вот уже и приметная раздвоенная береза на самом краю болотного поля...

Удар настиг нас внезапно – словно кинжал убийцы, что разит в темноте проулков, вырвавшись из-под сливающегося с мраком плаща. Молитва ли это той, что назвалась Ликой, или же она отбросила словесную шелуху, одну лишь Верой привела в действие могучие небесные легионы – мне не дано уже узнать.

Арафраэль вскрикнул – именно вскрикнул, словно человек, навывлет раненный в грудь. Мхи рванулись мне навстречу... и спасли, приняв на себя всю мощь земной смертельной тяги.

Лица, Изгоняющая, или как там её звали на самом деле, дотянулась-таки до меня выкованным в горне Белого Христа незримым оружием.

...Я стоял по грудь в болоте. Всхлипывая, толща мохового одеяла сочилась бурой жижей, точно рана – кровью.

Только теперь меня начала бить крупная дрожь – давно, очень давно я не сходил в открытой схватке со слугами Белого Христа.

Арафраэля я не видел и не слышал. Попробовал окликнуть – раз, другой; молчание. Кое-как выбравшись из ямы, я потащился дальше. До заветного укывища оставалось совсем немного. А в ушах стоял предсмертный стон – там, в брошенном мной Осташёве, расставался с жизнью ещё один из тех, кого точно и метко назвали «малым народцем»...

Грудью раздирая мох, я добрался-таки до заветной берёзы. Остановился. Болезненно корчась, сжалось сердце. Вот он. Здесь, под ногами. Моё сокровище. Моё – и не моё. Отданное мне Судьбой на хранение, когда по всей Руси пылали пожиравшие «идолов» костры, знаменуя небесную победу называемого людьми Белым Христом...

Вот оно, совсем близко. Протяни руку – и сам Перун ниспошлёт тебе силу разящих молний. Сколько раз спасало лежащее в болотной ухоронке Русскую землю, уже и не упомянешь. Во времена, от которых не осталось ни берестяных грамоток, ни даже памяти у подобных мне, когда кипели безымянные битвы на берегах молодых рек; позже, когда только растекались людские ручейки по великим лесам по-над Днепром; когда от янтарного берега к Причерноморью прорубались свирепые пришельцы; и потом, в уже описываемые времена: на берегах Невы, когда семь сотен дружинников Александра Ярославича в прах разнесли семижды более сильное шведское войско, и на чудском прогибавшемся льду, что плавился от лившейся на него человеческой крови, и под Раковором, и в злые годы Ольгердовщины (забыли её, ох забыли! а ведь ничем не лучше степной напасти!), и в аду Куликова поля, когда ничтожные двенадцать сотен Боброка по-иному повернули ход уже проигранного было сражения, и потом, в чёрные дни Тохтамышева разорения, и после, после, после...

Река Ведроша, где поражены литовцы. Москва, отбитая Мининым и Пожарским.

Я помню, как, рассечённая, горела броня крестоносных танков под Кубинкой страшным преддвизьем сорок первого, и помню лицо того чумазого танкиста, как две капли воды похожего на зарубленного мной под Раковором тевтонца – когда пеший новгородский полк грудью да частоколом копий остановил смертоносный разбег орденской конницы...

И долгие века потом, после Смутного времени, не достававшийся – когда росла страна и штыки её солдат шли от победы к победе, прославленные от Босфора до Парижа, от Сан-Франциско до Кушки; извлечённый лишь в тот день, когда стало ясно – остановить немецкий танковый клин под Кубинкой спешно стянутые ополченцы (винтовка на пятерых да граната на десяток) уже не смогут.

Русский Меч.

И вот теперь – вновь достать, чтобы спасти не страну – но доверившихся мне?

Ветер, словно взъярившись от моей нерешительности, бросился вниз, раздирая незримое тело об острые пики елей. Ударил в лицо – словно дал пощёчину тусу, всё ещё надеющемуся, что дело как-нибудь да уладится...

Нет. Не уладится.

Ну, пришёл и наш черёд.

Моя рука погрузилась в землю, и зачарованные пласты Великой Матери послушно расступились. Пальцы стиснули горячую рукоять – точно она раскалилась от снедавшей Меч ненависти.

Идём же.

Раскрылись недра и лесные глубины, и мириады призрачных глаз взглянули мне в душу. Согнёшься? Или всё же выступишь против непобедимого противника?

На миг мне почудилось, что передо мной мелькнул одноглазый старик в широкополой шляпе; а за ним – иные... те, что пали.

На деревенской улице я оказался в следующий миг. Меч сам знал, где он сейчас нужен.

Стоя уже перед другим двором, Лика вновь тянула жуткое изгоняющее заклинание; слух мой обжигали тонкие стоны умирающих младших братьев.

– Стой, именем Сварога!

Меч тускло блестел в моей руке. Неказистый, железный, безо всяких украшений, однако же нигде не тронутый ржавчиной.

Лица медленно повернулась ко мне. И тут впервые в жизни меня до костей продрало свирепым морозом ужаса: на лице её я увидел довольную, можно даже сказать, – счастливую улыбку. Ярослав куда-то исчез, растворился, сгинул – словно никогда тут и не появлялся. Мы остались вдвоём.

– Как же всё оказалось просто... – услышал я. – Ты сам вытащил бесовскую железку из тайника! Сам... Всеслав.

В глазах у меня помутилось. Она знала! Знала всё с самого начала! Или... или не она?..

– Отдай его мне. Отдай сам. – Моя противница менялась. Дрожали, расплываясь, очертания тонкой девичьей фигурки, и на месте странной монашенки Лики появлялась совсем иная женщина – высокая, статная, коронованная нимбом золотистого света, в прямых и строгих одеяниях белого льна до пят, с прижатым к груди всесильным крестом.

Так вот кого они послали за Мечом!..

– Здравствуй, Хельга. Правда, Лица мне нравилась больше.

– Узнал... – она усмехнулась. – Лица... она хорошая. А для меня важно сходство не внешнее... Но мы отвлеклись. Так отдашь ли ты его сам?

Я молчал.

Мы никогда не встречались с тобой, Хельга – или, по-русски, Ольга, Ольга Святая, первой принявшая крещение, чей внук стал Равноапостольным... Ты умерла в 969 году от рождества твоего Белого Христа, ну а я, Всеслав, жил столетием позже, сойдясь в смертельной схватке с Ярославичами. Ты ушла Наверх – а я остался.

Не так уж сложно избежать и райской тоски, и адской скуки. Нужно лишь ЗНАТЬ.

Говорят, что и не осталось уже нигде нашей Нави, куда уходили наши предки, – всё поднял под себя Белый Христос, а в *его* небесные кущи мне как-то не хотелось. Равно как и в раздуваемый его подручными подземный огонь адских топок.

– Я так и знала, что ты не удержишься и ринешься защищать своих бесов, – беспощадные слова падали каменными глыбами. – Это оказалось просто, очень просто... Я пошла на это, потому что один лишь этот Меч, меч из глубин времен, когда Титаны ещё не были повержены, помогает держаться здесь таящимся врагам рода человеческого. Тот, чьё сердце полно любви, просил тебя отдать Меч добровольно. Мы и без того потратили слишком много времени на поиски.

– Ты убивала домовиков, банников, полевых, гуменников. Чем они тебя прогневали?

– Забыл, что все они – *нечистая* сила?

– Они никому не делали зла.

– Это только ты так думаешь, – она опять усмехнулась. – Ну так что, отдашь? Сколько ж веков мы не могли его добыть...

– Вы, всесильные, всеведущие, без чьего ведома ни один волос не упадёт?

– Не повторяй глупые сказки, Всеслав, – она поморщилась.

– А может, это ваше самоуправство?

– Не твоё дело. Давай Меч, – Ольга сдвинула брови.

Наверное, мне следовало торговаться. Но, как тогда, на берегу Немиги, когда, спасая войско, шёл по истоптанному снегу, шёл к целовавшим крест – «не будет тебе никакого вреда!» – Ярославичам, Изяславу, Святославу и Всеволоду, уже зная, что обманут и схватят, не мог отступить я и сейчас. Я, Всеслав. Всеслав Полоцкий, ещё в те годы прославивший первым волшебником и ведуном славянской земли...

– Нет. – Я поднял Меч. Не на женщину – но на Того, Кто стоял за ней.

* * *

...Их так и нашли. Немолодой крепкий мужчина, по документам – Алексеев Михаил Андреевич, без определённых занятий, единственный, кто жил в брошенной деревне; крепкий парень в брезентовой штормовке и невзрачная девушка, почему-то облачённая в одеяния из чистейшего белого льна. Раны запеклись, но оружия так и не обнаружили. Парня и девушку в белом как будто бы зарубили и как будто бы даже чем-то похожим на длинный клинок – а в мужчину словно бы ударила молния.

А во многих обителях треснули образа святой Ольги Киевской.

* * *

Прошла зима, и на низкой платформе почти полностью заброшенной станции Киприя, когда отошёл остановившийся всего на полминуты поезд на Москву-Бутырскую, остался широкоплечий, кряжистый мужчина лет тридцати пяти, что не перекрестился, проходя мимо местной церквушки.

В паспорте его стояло имя – Полоцкий Всеслав Брячеславович.
Предстояло отыскать Русский Меч.

Выпарь железо из крови...

*Мы – русские; и с нами – Бог.
Генералиссимус, князь Италийский, граф Суворов-Рымникский*

*Abundantas dispicite dissonas gentes: Indicium pavoris est societe
defendi.¹
Аттила, король гуннов, из речи на Каталунских полях*

– Ты дома, пап?

Железная дверь, что сделала бы честь любому банковскому сейфу, медленно и бесшумно отворилась, повернувшись на тщательно смазанных петлях. Открылся обширный холл: морёный дуб на стенах, потолок с мозаикой, пол с выложенной среди дорогого паркета инкрустацией; в углу – ведущая на второй этаж вычурная лестница с резными балясинами, словно в купеческом терему. На стенах – несколько оригиналов Кинкайда, слащавого вида домики среди идиллического пейзажа, празднично и радостно освещённые изнутри.

В дверях стояла невысокая девушка в модных расклёшенных джинсах, спущенных на бёдрах до предела возможного, в розовой футболке с надписью «Продай мне свою Барби» и – тоже писк последнего сезона – на невозможной высоте шпильках, украшенных парой кокетливых бантиков. На сгибе локтя девушка покачивала микроскопической чёрной сумочкой от «Дольче и Габбаны». Фирменную надпись по крокодиловой коже вывели не чем-нибудь, а россыпью мелких бриллиантиков.

– Пап, ты дома-а?

– Дома, Соня, – отозвался мужской голос из глубины огромной квартиры.

– Вас сегодня весь день в новостях показывали... – Девушка с гримасой отвращения сбросила шпильки, небрежно швырнула дорожную сумочку, босая пошлёпала на кухню, не обращая ни малейшего внимания на паркет ручной работы под ногами.

– Но меня-то, я надеюсь, нет?

– Ну что ты, только со спины. – Она вошла на кухню, в которой поместился бы, наверное, приличных размеров танцевальный зал. Плоский телевизор на стене в который уже раз за сегодня повторял:

– Благодаря бдительности специальных агентов отдела по борьбе с терроризмом... сегодня проведена точечная операция в районе Обводного канала... обнаружена явочная квартира инсургентов, склад оружия, которым пользовались боевики... предварительные данные показывают, что из одного из найденных стволов был убит в апреле сего года архимандрит Викентий, видный представитель примиренческого течения в церкви... наши зрители, конечно, помнят это громкое дело... проповеди отца Викентия неизменно собирали множество прихожан... кровавое и беспрецедентное по жестокости убийство совершено было прямо на пороге храма... теперь найдена снайперская винтовка, из которой был произведён выстрел...

– Удачно сработали, папа? Твой ведь отдел, как я понимаю?

Колдовавший у кофеварки мужчина обернулся. Сама кофеварка, обилием никелированных кнопок и рычажков напоминавшая стартовый ракетный пульт, немедленно зашипела, сердито и капризно, словно недовольная тем, что Хозяин отвлекся на кого-то другого, пусть даже на собственную дочь.

¹ Презрите эти собравшиеся здесь разноязыкие племена: признак страха – защищаться союзными силами (лат.).

– Удачно, Соня. – Отцу девушки можно было дать лет сорок пять, и, как сказал бы Карлсон, выглядел он «красивым, в меру упитанным мужчиной в самом расцвете сил». Упитанность, однако, проявлялась не в свисающем животе, а в накаченных плечах и руках, бицепсам на которых позавидовали бы многие атлеты. – Накрыли кубло. Арсенала хватит на десять терактов. Правда, оружие большей частью старенькое... – Он оборвал себя на полуслове, с усилием провёл широкой ладонью по редеющим седым волосам.

Соня едва заметно улыбнулась.

– Ну, будет, будет, доча. Давай хоть дома не про это. Ты сегодня куда-нибудь собираешься? В клуб? Тебя подбросить? Я ещё не отпускал охрану.

– Не, пап, я сегодня у себя ночую.

– А... – отец кивнул. – Ну, товарищ Корабельникова, ты у меня девочка большая, тебе лекций о морали читать не надо. Джефф небось в гости собрался? – Он понимающе усмехнулся.

– Ага, Джефф, – поспешно кивнула Соня. – Если выберется.

– Понятно-понятно. А если не выберется?

– Тогда девиш ник устроим, девчонки уже замучили... – отозвалась Соня, выделяя нарочито московское «ш» в середине слова.

– Только звякни мне тогда, ладно? – просяще проговорил отец.

– Конечно, пап. Ну когда я куда пропадала?

– Да случилось... – буркнул Корабельников-старший.

– Ну па-ап... – Соня подошла, обхватила отца, по-детски прижалась щекой.

– Знаешь, коза, какой ко мне подход нужен, – усмехнулся тот. – Ладно, тебе ведь небось опять бежать надо?..

– Ой, надо, пап, – Соня направилась к дверям ванной. Судя по размерам, там скрывался самый настоящий бассейн. – Мама не звонила?

– Нет. У них там в Париже настоящий бедлам, какие уж тут звонки...

– Понятно, – по лицу Сони прошла мимолётная тень. Она решительно вздёрнула подбородок и заперла за собой дверь душевой.

Папа ничего не знает. И не должен знать. И не должен знать, что она не только знает, чем он занимается на самом деле, но и сама положила в захваченный сегодня схрон ту самую старую винтовку Драгунова, из которой член её ячейки с простым именем Машка вклеила пулю прямо в лоб тому самому архимандриту Викентию.

* * *

На Московский вокзал с оружием пойдёт только последний кретин – если, конечно, у тебя нет внедрённого в тамошнюю службу безопасности агента. Но об этом пока можно только мечтать: после того, как нескольких ребят вычислили и отправили куда *следует*, все проверки «на вшивость» ужесточены многократно.

Нет, тащить стволы прямо к рамкам металлоискателей, туда, где до сих пор, как и в Пулково, стоят не городовые, а самые натуральные airborne rangers из знаменитой 82-й десантной дивизии, – верх глупости.

Поэтому доставить оружие Соне и её спутникам поручили Хорьку – уже после того, как вся команда слезет с поезда. Но буквально перед самым выходом Мишаня, как и положено, проверил почту: из Боровичей, где обитал Хорёк, «директом залили полтора метра мыла», если выражаться сетевым жаргоном. Полтора мегабайта всяческой чепухи, от нелепых сетевых разборок до любовной переписки; но среди этого мусора крылась одна-единственная фраза, ради которых Мишаня, собственно говоря, и держал свою ноду – до фидошников Контрольный комитет пока ещё не добрался.

«Бабушка, говоришь, приехала? Хаты не будет? Недорулез!»

И после этого – тройной «хмурник». Вот такой:-(

Дурацкие коды, нелепый сленг – Соня всего этого терпеть не могла. Разве так работают в настоящем подполье? Детский сад какой-то, да и только. Радовало лишь, что одним только Интернетом стало пользоваться *неприлично*, и оказалось, что в «сети друзей», работавшей по архаичным технологиям, с ночной «отзвонкой» друг другу её распределительных узлов-нод, можно относительно безопасно обмениваться информацией, разумеется, тщательно закапывая её в груды сухих листьев «разговоров современной молодёжи», той самой, из которой тщетно (а может, и не столь уж) пытались сотворить истинное «поколение пепси».

Ну и, конечно, вербовать новых сторонников. Но – осторожно, осторожнее и ещё раз осторожнее. Внутренний корпус не дремлет. Там тоже немало тех, кто не просто отрабатывает свой паёк и вождельный «открытый шенген».

Дурацкими кодами или без них, но полученное Мишаней письмо означало, что Хорёк добраться до них не сможет. Сам он цел и невредим, но с оружием для команды – полный пролёт. Ну и ладно, сама Соня пошла бы на дело вообще безо всякого оружия, голой и босой бы пошла, но её парней разве ж переубедишь? Упёрся Костик, заявив, что без пары стволов он в те дикие края не полезет, ибо он не старик Ван Дамм в пору его молодости и уж тем более не знаменитый Тайсон-Ухогрыз. С дезертирами, беглыми и прочим лихим людом, хоронящимся как от Внутреннего корпуса, так и от подполья, он, Костик, предпочитает разбираться посредством огнестрельного оружия, а не на кулачках.

Мишаня только кивал одобрительно.

Машка-снайпер, само собой, не отставала от них.

– Я без ствола за пазухой всё равно что в мини без трусов!

Соня только покачала головой. Машка за словом в карман не лезла и выражения не выбирала. Но разве ж это дело, когда в подполье можно перекричать, перегорлопанить командира? И что это за командир, сказал бы иной военный?.. Но тут-то как раз выбирать не приходится. Подполье, наверное, только потому ещё и существует, что нет в нём «вождей» и «лидеров», что решения принимаются совместно, хотя и способом, от которого любой выпускник Академии Генштаба грохнулся бы в обморок. Всё ведь начиналось совсем не так – и где те, первые?.. В большинстве своём далеко за Полярным кругом, а то и в питерской земле, в безымянных могилах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.